

...А в это время под Москвой, на границе с Россией в тихом старом доме сидит за столом замечательный писатель, чистый и добрый человек, русский интеллигент Борис Васильев. И работает.

Да. И работает. Думает и пишет.

Давно я его в Москве не встречал. Ну, да тут достало литераторов, режиссеров, артистов, ищущих свои места в быстром времени и находящих эти места. Среди прочих возможностей эти мастера культуры обрели право на существование, слегка отличное от манеры выживать в остальной России, и за небольшую цену. Цена эта — необременительная зависимость от тех, с кем эти мастера, и утрата права говорить «мы», имея в виду сограждан, которые пока еще не вполне ощутили на себе достоинства нового мира.

Между тем мир стар, ценности его давно сформулированы на взгорье у Галилейского моря, и никто их не опроверг. Разве что забыли для утешения беспокойства души. Ну так «не суди»...

В доме у Бориса Васильева из перемен — новые его книги о беспамятной нашей истории. Остальное как всегда: тепло, если сидишь у печки или разговариваешь с хозяином, на столе отварная картошка (своя) с солеными грибами (своими), у стола деликатная и приветливая жена Зоря Альбертовна, кошка Машка на диване и разговор. О том, как жить, не теряя достоинства и лица.

Как жить?

Снег, тихий снег глушит голоса, и сквозь оранжевые окна, оправленные в синий вечер, слышны обрывки разговора:

— Вряд ли на свете существует другой народ столь ослабленной исторической памятью, как у нас. Ничего не помним, ничему не учимся... Я написал несколько исторических романов, дал почитать... Имена героев многим знакомы, но государство, где они действуют, таинственно и неизвещно. А это наша страна...

Ухнул с крыши снег, заглушая вопрос.

— Каждый новый век — смена знамен... Девятнадцатый. Накануне Пушкин родился, и все прошло под знаком этого восторженного гения. Чем ознаменован приход двадцатого? Ходынккой. Аукнулись нам две с половиной тысячи душ... А теперь, ребята, ожидает нас смена не столетия даже, а тысячелетия даже. Аккуратно надо себя вести, чтобы выжить. Об этом я и пишу.

— Пишите, Борис Львович, и выживайте, пожалуйста.

Васильев отходит от окна в глубь комнаты, и голос уже не слышен, но виден прямой силуэт красивого человека. У него хорошее поле. В нем можно бродить, беседуя. Можно вспахать вопросами, ожидая доброго урожая, можно увидеть всходы, не дожидаясь весны. А вот лгать, жестокосердствовать и предавать — нельзя.

... У каждого свои эталоны. Я не навязываю вам Бориса Васильева. Я говорю: у каждого свои.

Моя новелла, 1997, — 30 нояб. — 7 гек. е. 15